

пропали соответствуют гетевскому стиху: *Замолкли птички в лесу.*

Призыв к страннику *Подожди* подразумевает отсутствие в его душе мира, царящего в природе. Вместе с тем этот мотив, приглушенный и еле слышный у Гете и Лермонтова, набирает силу в стихотворении Фета, оборачиваясь открытым бунтом против миропорядка.

Примечательно, что стихотворение «Ласточки пропали» самим Фетом в собрание его сочинений не включалось. Есть основания предполагать, что в этом стихотворении получили невольное отражение самые глубокие стороны внутреннего мира поэта, скрываемые им не только от других, но и от самого себя. Косвенным свидетельством этого может служить текст предсмертной записки поэта: «Не понимаю сознательного приумножения неизбежных страданий. Добровольно иду к неизбежному». Согласно свидетельству секретаря поэта Екатерины Владимировны Федоровой, после того как Фет продиктовал ей этот текст, он пытался совершить самоубийство, однако в последний момент (далее следует запись устного рассказа Е. В. Федоровой), «часто задышав, упал на стул со словом «черт». Тут глаза его широко открылись, будто увидев что-то страшное: правая рука двинулась как бы для крестного знамения и тотчас же опустилась. Он умер в полном сознании»⁴.

Предсмертную записку Фета можно также рассматривать как часть «межтекстового пространства» поэта. Характер же и последовательность описанных событий в определенной степени перекликаются с четвертой строфой стихотворения

«Ласточки пропали» — попытка самоубийства и испуг в конце:

Лучше б снег да вьюгу
Встретить грудью рад!
Словно как с испугу
Раскричавшись, к югу
Журавли летят.

Появление образа журавлей не случайно. Смысл и функцию этого словообраза отчасти помогает понять обращение к письму поэта Л. Н. Толстому (от 28 сент. 1880 г.). В этом письме Фет описывает, как он, сопровождая свою жену Марию Петровну в ее паломничестве к мощам святого Митрофана Воронежского, любовался на монастырском дворе грациозным танцем необыкновенно красивых ручных журавлей: «Я люблю только то, что прелестно пляшет в журавле, ибо тайная жизнь *die Sache an sich*, которую для людей знают только поэты... А каждому, что ему приятно. Марье Петровне — Митрофаньи образки, а мне журавли, и я даже не помышляю тащить ее в журавлиную веру».

Итак, журавль выступает здесь символом земной красоты, таинства поэтического творчества, приравниваемого к таинствам Церкви. Этот пафос поклонения красоте, искусству пронизывает все творчество и жизнь Фета. В стихотворении же «Ласточки пропали» мы видим совершенный образец «прорастания» плана содержания и плана выражения друг в друга. «Изображение становится подобно изображаемому»⁵. И зашифрованный в ритмико-мелодической и интонационной структуре стихотворения образ летящей птицы — это икона «журавлиной веры» Афанасия Фета.

⁴ Цит. по изд.: Лурье Самуил. Театр теней. Фет: жизнь и смерть // Звезда. — 1993. — № 5. — С. 206.

⁵ Лукин В. А. Художественный текст. Основы лингвистической теории и элементы анализа. — М., 1999. — С. 184.